

Алексей ГОРШЕНИН

СУДЬБА СОБАЧЬЯ

Давненько уже, в середине девяностых годов минувшего века случилась эта история, а до сих пор живет в памяти, будто происходило всё вчера.

* * *

Вряд ли надо напоминать, что это было за время. Развал экономики, повальная безработица, жуткая инфляция с бешеными скачками цен. Пачками закрывались предприятия, сотнями тысяч люди выбрасывались на улицы и в попытках выжить начинали заниматься тем, о чем раньше и помыслить не могли. Тысячи классных инженеров, например, торговали китайским или турецким ширпотребом на барахолках, а то и просто подметали улицы, выдерживая при этом жесткую конкуренцию с «понаехавшими» выходцами из Средней Азии.

Много чего пришлось перепробовать и мне — бывшему ведущему инженеру-проектировщику одного из предприятий нашего города, оставшемуся без работы после его банкротства. Твердых заработков не имелось, да и те, что перепали иногда, были мизерными, и их не всегда хватало даже на самые необходимые платежи. И не знаю, выжили бы мы тогда вообще, не будь у нас дачи?

Ну, дача — наверное, слишком громко сказано. Скорее — садовый участок в четыре сотки с махонькой избушкой на его

краю, сооруженной из всякого подручного хлама. В избушке хранился садовый инвентарь, и можно было переночевать при случае. Остальную землю участка занимали грядки с разными овощами и съедобной зеленью. Этот огород-кормилец в основном и спасал нас от голодной смерти в лихие девяностые.

На той даче и началась история, о которой я хочу рассказать.

Осень перевалила на вторую половину октября. Дачный сезон практически закончился. Огороды убраны, урожай свезен в овощехранилища, погреба, холодильники да морозильные камеры. Уже и большинство участков хозяевами к зиме подготовлено. Осталось только в домиках прибраться, да замкнуть их надежней до весны.

Именно с этой целью жена собралась в тот день на нашу дачу. Обычно мы с ней ездим вдвоем. Особенно когда приходит пора урожая. Однако на сей раз супруга оставила меня дома, сказав, что в моем присутствии нет никакой необходимости, а она только туда и обратно.

И каково же было мое изумление, когда после обеда, случайно глянув в кухонное окно, выходящее на оживленную трассу, ведущую к вокзалу, я увидел свою жену в сопровождении огромного, ей по пояс, если не выше, темно-серого пса с обрывком веревки на шее, за который она

Горшенин Алексей Валерьевич родился 18.05.1946 в г. Ульяновск), русский сов. писатель, лит. критик, окончил историко-филологич. ф-т Томского ун-та (1969), первые публикации в газ. "Сов. Сибирь", "Вечерний Новосибирск" (1975). Печатался в газ. "Комсомольская правда", "Гудок", "Труд", "Лит. газета", "Лит. Россия", в журн. "Сиб. огни", "Октябрь", "Молодая гвардия", "Лит. обозрение", "Волга", "Дальний Восток", "Урал". Первая кн. — лит.-критич. сб. "Человек среди людей" (Н-ск., 1982). Чл. СП СССР, РФ. С 1979 по 2002 был сотрудником и членом редколлегии ж. «Сибирские огни».

его вместо поводка и держала. Я протер глаза — не померещилось ли? Нет, так и есть: строго на зеленый свет светофора от остановки по переходу шествовала «дама с собачкой», по мере приближения которой улетучивались последние сомнения, что это моя половина, с которой мы живем уже не один десяток лет. Но что это за псина ее сопровождает, и откуда она взялась?

Через несколько минут в дверь позвонили. Я открыл и чуть не рухнул тут же у порога. Вблизи пес и вовсе показался монстром. Он топтался, нерешительно оглядываясь на жену.

— Проходи, не бойся! — выпустив из рук обрывок веревки, легонько подтолкнула она его, не поднимая глаз.

— И что бы это значило? — ледяным тоном поинтересовался я, когда пес, наконец, переступил порог нашей квартиры.

— Это собака, — невинным голосом сказала жена.

— А я думал чудище неведомое.

— Нет-нет, он хороший, добрый, — поспешила заверить меня жена.

— Где ты такого откопала?

— Там... на даче.

— А домой-то зачем притащила? — возмущился я.

— Он сам увязался...

И вот что услышал я от жены.

* * *

Закончив дела на даче, она пошла на электричку. По дороге к платформе вдруг выбежала из переулочка огромная собака и стала ее обнюхивать. Жена обмерла от страха и стояла ни жива ни мертва. Обнюхав, собака басовито гавкнула, виновато повилила хвостом и, опустив голову, медленно побрела прочь. Придя в себя, жена поспешила от опасного места. Оглянувшись на всякий случай через несколько шагов, увидела, что собака смотрит ей вслед. Жена прибавила ходу и боялась оглянуться весь оставшийся до посадочной платформы путь.

До прихода электрички оставалось с полчаса, и в ее ожидании жена села на лавочку неподалеку от билетной кассы. Ключья грязно-серых туч затянули небо. Моросил с короткими перерывами дождь. Было холодно и промозгло. Немногие ожидающие электричку дачники зябко ежились.

— Ну и погодка! — сказала сидевшая рядом пожилая женщина.

— Да уж, — согласилась моя жена, — в такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выгонит!

— Выгоняют, еще как выгоняют! — вздохнула женщина. — А уж дачники — особенно. Как сезон заканчивается, так и бросают их.

— Кого бросают?

— Собак да кошек. Летом — играют, забавляются, а осенью, когда до следующего года уезжают, бросают: домой не берут, здесь бросают на погибель. Если зима холодная, к лету из животных почти никто не выживает. И мороз, и голод, да и просто не приспособлены они, бедолаги, к жизни уличной. Домашние же!..

— Боже! За что такая жестокость?

— Да ни за что. Надоели — бросили! И вся недолга...

И тут вдруг жена моя почувствовала, как кто-то уткнулся к ней в колени и тяжело вздохнул. Повернувшись на этот вздох, она испугано вскрикнула, увидев косматую голову уже знакомой темно-серой большой собаки. Пес, видимо, незаметно шел за нею по пятам, а на платформе, пока она разговаривала с женщиной, незаметно подкрался к их лавке и вот — нате вам!..

Жена почувствовала, как задрожали колени. Пес поднял голову и не спускал с нее глаз. «А вдруг набросится? — подумала она. — Загрызет, ведь!» Но никакой агрессии пес не проявлял, а только умоляюще, словно просил о чем-то, смотрел на нее печальными влажными, словно слезами омытыми, глазами. А может, это и правда были собачьи слезы?

— Вот вам, пожалуйста, и ходить далеко не надо, — показала на пса собеседница жены. — Один из таких осенних дачных беспризорников! Я часто его тут в последнее время вижу. И хозяев знала. Они в конце августа дачу свою продали в связи с переездом, а пса с собой не взяли. Не нужен, верно, в других краях. И новым владельцам дачи тоже ни к чему оказался. Вот и шагаается по поселку неприкаянным...

— А что за веревка на шее? — показала жена на обрывок.

— Говорят, от нового хозяина дачи досталась. Рассказывают, что поначалу пес на свой участок по привычке захаживал, даже ночевал там, пока новый владелец не застучал. Ему это не понравилось. Он псу веревку на шею и в лесок — тут неподалеку. К березе привязал и оставил. Но собачина здоровенный, веревку-то и оборвал. Как только сам не удавился?!

Видя, как с опаской смотрит моя жена на пса, собеседница поспешила ее успокоить:

— Да вы не бойтесь. Он только с виду такой страшный, а на самом деле — добрый. — Женщина порылась в сумке, достала ломоть хлеба и положила у ног собаки: — На-ка, перекуси, сердешный!

Пес, благодарно ударив по земле пару раз хвостом, быстро съел хлеб и вопросительно глянул на женщину.

— Больше нет ничего, — извиняющимся тоном сказала она.

— А у меня и хлеб закончился, — развела руками жена. — Не рассчитывала долго задерживаться.

Пес перевел на нее все тот же печально вопрошающий взгляд и снова прижался к ее коленям.

Вдалеке с визгливыми переливами запела электричка.

— С вами просится, — кивнула в сторону пса женщина. — Понравились вы ему. Явно понравились. Вон как прижался. Как к мамке родной!

Жена осторожно погладила косматую голову. Пес вскинул голову, радостно гавкнул, потянулся к ней всем телом и лизнул прямо в лицо. Сигнал приближающейся электрички становился все громче.

— Заберите вы его, бога ради, заберите! А то пропадет здесь! — увещевала женщина.

— У меня кот дома. И концы с концами едва сводим, — вяло отбивалась жена, косясь на колотящего в волнении хвостом пса.

— А кому сейчас легко? Возьмите!

Из-за поворота показалась электричка. В полном смятении, не зная, что предпринять, жена поднялась. Пес вскочил следом за ней.

Электричка, сбавляя ход, уже льнула своим зеленым цельнометаллическим боксом к платформе.

— Я помогу вам сесть, — сказала женщина.

Пути к отступлению были отрезаны...

В полупустом вагоне пес улегся под лавку и пролежал там вся дорогу, время от времени высывая и поднимаемая голову, словно желая убедиться, здесь ли его благодетельница.

— Я даже не знаю, как его звать, — сокрушенно сказала жена.

— Я точно не скажу... — наморщила лоб собеседница. — То ли Федя, то ли Фредди?... Да вы позовите. На что откликнется — так, стало быть, и зовут.

Жена наклонилась к лавке и негромко позвала:

— Фредди!

Пес сразу же высунул голову, словно только этого и ждал.

— Ну, значит, Фредди, — резюмировала пожилая дачница.

Весь дальнейший путь пес был настолько тих и спокоен, что никто на него не обращал внимания. Лишь когда в городе пересели на троллейбус нужного маршрута, кондукторша сделала жене замечание: такая большая собака должна быть в наморднике. Но позволила доехать до нужной остановки, потребовав, правда, купить псу билет.

* * *

И вот они — моя жена с приبلудной собакой — здесь, передо мной, в прихожей нашей квартиры.

Пока супруга рассказывала, пес, опустив голову, переминался с ноги на ногу. Был он ростом со здорового дога и чем-то похож на него. Такого же типа вытянутое с развитой грудной клеткой и подобранном животом тело с продолговатой мощной шеей, которую венчала крупная голова с плоским лбом и вытянутой зауженной волосатой мордой. Такие же длинные с мускулистыми бедрами ноги. Только хвост с легким изгибом несколько толще, чем у дога. И сам пес не гладкошерстный, как дог. В домашних условиях, ухоженный и откормленный, он был, наверное, даже симпатичным. Но сейчас — запущенный, грязный, в клочьях темносерой свалывшейся шерсти, нацеплявшей дачных репьев, в каких-то болячках, язвах и струпьях на коже — представлял он собой зрелище жалкое и неприятное.

Я вообще не был любителем собак, а уж бездомных тем более. В девяностые немало их рыскало на помойках в поисках пропитания, вызывая у меня не столько чувство жалости, сколько брезгливости и даже отвращения. Кошки были мне ближе. Даже уличные.

— Пусть он пока поживет у нас? — попросила жена.

— Да ты что — с ума сошла! — взъерился я. — А где эту громадину поселишь?

— В Сашиной комнате.

Саша — наш старший сын — учился тогда в военном училище в другом городе, и комната его временно пустовала.

— Ну, допустим. А кормить? Его же легче убить, чем прокормить.

— Да он неприхотливый. Ты бы видел, как он на станции простой хлеб ел — дачница угостила!

— Эка невидаль! Мы сами на хлебе и воде сидим. А он один сожрет больше нас двоих.

— Ну, как-нибудь перебьемся... — не сдавалась жена.

Но и я не собирался идти на поводу.

И тут услышал за своей спиной радостный возглас Наташи:

— Ой, какая собака! Какая интересная! Мама, а что за порода? А где ты ее взяла?..

Возгласы и вопросы сыпались, как горох из прохудившегося мешка. Я понял, что позиции мои серьезно ослабли. В собачьем вопросе дочь была безоговорочной союзницей жены. Обе мечтали о собаке, но сначала я не разделял их желание, а потом получилось так, что нам подарили котенка сибирской тигровой породы, который вырос в большущего кота-красавца,

который и стал безраздельным хозяином нашей квартиры. И вот, как с неба свалившаяся, такого же масштаба, как наш кот Дима, собаченция топчется в пороге. И не какой-то там щенок, а взрослый пес.

Наташа смело протянула к его голове руку, погладила, а потом и еще почесал за ухом. Пес довольно заурчал и благодарно лизнул в щеку присевшую перед ним Наташу.

— Я не знаю, какой он породы, — хмуро сказал я, — но думаю, что у нас ему не место.

— Ну, почему, папа! — вознегодовала Наташа. — Посмотри, какой он хороший, добрый!

— С чего ты взяла, что добрый?

Пес снова лизнул ее, в другую щеку.

— Вот видишь, видишь! — торжественно сказала Наташа.

— А Дима? — напомнил я дочери. — Этот барбос может его просто порвать.

— Еще неизвестно. Вспомни дачу! — парировала она.

Да, действительно...

Летом мы частенько вывозили кота на дачу. Бывало, что он жил там с нами неделями. И с превеликим удовольствием. Особенно Дима любил поваляться на травке у штакетника, отгораживающего наш участок от узенькой улочки, на которую он выходил, в тени растущей у забора рябинки. Подремывая, кот, тем не менее, зорко наблюдал за улочкой: проходящими мимо дачниками, проезжающими велосипедистами, бегущими к речке звонкоголовыми ребятишками. Ну и, конечно, за главными своими антагонистами — собаками, которых в дачном поселке было в достатке. Будучи крупным животным сам, страха перед собаками Дима не испытывал. Скорее наоборот, они его опасались. Завидев царственно развалившегося Диму, они резко застопоривали ход и дальше идти отказывались. Разворачивались и бежали обратно, трусливо оглядываясь на ходу. И не только те, что поменьше.

Однажды, когда Дима после обеда привычно нежился в тенечке под рябиной, из-за уличного поворота показалась «дама с собачкой». Окрестных собачников с их питомцами мы знали наперечет, но эту парочку видели впервые. Новенькие. Шоколадная от загара (скорее всего южного) «дама» и такого же шоколадного окраса «собачка» — довольно крупный питаный доберман, пританцовывавший рядом с хозяйкой. Еще издалика заприметив кота, доберман, замедлив ход, напрядся и, повернувшись к «даме» что-то прогавкал. Теперь и она заметила Диму, который, услышав собачий лай, поднялся с травки и переместился на середину нашей улочки. Мы с Наташей молча на-

блюдали эту сцену. Увидев нас, «дама» закричала:

— Хозяева, уберите кошку!

— А в чем дело? — поинтересовался я.

— Дело в том, что Теодор не переносит кошек. Так что как бы вам плакать потом по своей кошечке не пришлось! — высокомерно заявила «дама».

— Ну, это мы еще посмотрим, кому плакать придется, — сказал я, задетый ее тоном, и подумал, сжимая черенок лопаты: «Огрею псину, если что!»

Доберман между тем уже не пританцовывал, а передвигался в нашем направлении осторожными боязливыми шажками. Метра за два до кота и вовсе остановился.

— Еще раз говорю — уберите кота! — взвизгнула «дама».

Теодор тоже прогавкал что-то вослед хозяйке.

Я не удостоил их ответом, лишь крепче ухватил черенок. Услышав лай добермана, Дима неспешно поднялся, выгнув спину, отчего стал раза в два выше, грозно зашипел и двинулся навстречу.

Теодор попятился и прижался к «даме».

— Ну, что ты, дурашка, — потрепала она его за ухом. — Вперед, задай ему перцу! — И подтолкнула под зад.

И тут случилось невероятное. Даже для нас с Наташей: Дима выгнув спину, зашипел, а потом, прыгнув на добермана, сцепился когтями передних лап ему в морду. Доберман отчаянно заскулил, завизжал и бросился наутек. Больше мы эту парочку в нашем переулке не видели.

Конечно, Дима оказался тогда на высоте, но так и пес тот был калибром помельче. А как с этим — уживутся ли? О том я и дочь спросил.

— Папа, я их подружу, — пообещала Наташа. — Они будут — не разлей вода!

Я недоверчиво покачал головой.

— Вот уперся! — снова подала голос жена. — Что ж его теперь из-за тебя снова на улицу выгонять? Только песик в себя после пережитого начал приходить, а ты...

— А я смею напомнить, что нам и без него не сладко.

Я собрался, было, сказать еще пару слов в подтверждение нашего бедственного положения, но тут впервые с момента, когда пес переступил порог квартиры, наши с ним взгляды встретились.

Густой жесткий волос надбровий пса не мешал увидеть его глубоко посаженные ореховые глаза. Я глянул в них и понял, что «зеркало души» они не только у человека. И говорить могут не только о человеке. К собаке это может относиться в не меньшей степени. Во всяком случае, у Фредди были именно такие «говорящие

глаза». Глядя в них я понял, что сменил пес, вероятно, не одного хозяина. Когда он становился в тягость, от него избавлялись. Как случилось и перед тем, когда подобрала его моя жена. И вот стоит он перед нами, спорящими, а нужен ли вообще тут бездомный бродяга. Уже явно не молодой, он, по всему чувствовалось, шел сюда с надеждой обрести нормальную жизнь домашней собаки. А надежда эта сейчас зависела от решения стоявшего перед ним в прихожей бородатого мужика в очках, то есть меня.

Фредди не спускал с меня глаз. Налитые самыми настоящими слезами, они просили, умоляли не выгонять его, обрекая снова на бездомную бродячую жизнь, обещали любовь и верность. Вместе с тем, сквозь слезы проступала в них такая горестная безысходность, что я отступился.

— Ну, пошли, — сказал я, освободив ошейник от обрывка веревки.

Фредди благодарно тронулся мордой мне в бок и, радостно виляя хвостом, последовал за мной.

* * *

— Вот здесь будет твоя «конура», — сказал я, проведя собаку в комнату сына. Такому крупному, как Фредди, псу эта крохотная комнатенка в «хрущевке» образца пятидесятых годов и впрямь могла, наверное, показаться собачьей конурой.

Пока новосел обнюхивал свое новое жилище, я провел со своими женщинами летучку, где первым на повестку поставил вопрос об имени. В англосаксонском варианте оно мне не нравилось. Куда приятней и роднее русское Федя. Так и предложил звать. Но поддержки не встретил.

— Фредди — романтичнее, — заявила Наташа. А жена по этому поводу сказала:

— Раз жил до сих пор с этим именем, так пусть и дальше оно за ним остается.

Ладно. Фредди, так Фредди...

Вторым важным вопросом я поставил будущие взаимоотношения пса и кота. Следить за ними придется всем нам. Но ответчиком за них я назначил дочь, обещающую кота с собакой подружить. И на всякий случай пристражал: при малейшем проявлении агрессии к Диме, Фредди окажется на улице. Роль главной кормилицы Фреда, да и вообще его ангела-хранителя, я по праву отвел жене. Ну, а себе оставил общее руководство.

Говорят: не так страшен черт, как его малюют. И Фредди подтверждал правоту этих слов с первых же дней пребывания в нашей квартире, отмечая одно за другим самые худшие мои опасения.

Псом он оказался на удивление послушным, дисциплинированным, воспитанным, я бы даже сказал — интел-

лигентным. Ничего не брал без спросу, не самовольничал, сразу отзывался на зов любого из нас, не заставляя повторять дважды. Но к каждому, при общем ко всем нам уважении, благодарности и признательности, отношение у него было индивидуальное. К жене — благоговейное. Видимо, как к своей спасительнице, не давшей ему, выброшенному на улицу прежними хозяевами, погибнуть. К дочери — теплое расположение. Как к доброму другу и компаньону, с которым можно хорошо проводить время и общаться. Ко мне — смею думать, как к строгому, но справедливому вожаку этой маленькой стаи из трех человек и одного (нет, теперь уже двух) животных. К коту?..

Взаимоотношения нашего многолетнего общего любимца Димы с Фредди оставались, по крайней мере, на первых порах весьма сложными. Во-первых, не зря говорят — «как кошка с собакой». Это действительно по природе своей животные-антагонисты, которым очень трудно, а чаще всего просто невозможно ужиться друг с другом. Если, конечно с младенческого возраста они не сосуществуют на одной территории, в едином житейском пространстве и не ощущают себя как бы членами единого семейства (в том числе и людей), на нем обитающего.

Но Диму и Фредди обстоятельства свели, когда оба они были уже немалого возраста сложившимися животными со своими привычками, характерами, особенностями, присущими их породам, а так же собачьему и кошачьему менталитетам. Я не знаю, какое место в семейной иерархии предыдущих хозяев занимал Фредди — возможно, самое незначительное, но наш Дима всегда был в доме фигурой номер один. Он это понимал, чувствовал, и поступиться своим положением, естественно, не мог.

Но Фредди на первенство и не претендовал. Напротив, относился к хозяйским амбициям кота с пониманием и уважительно уступал ему дорогу, если пути их (в первую очередь к «питательному пункту» на кухне) пересекались.

А вот кот наш не сразу определился со своим отношением к появившемуся нежданно-негаданно на его территории сожителю-«конкуренту». Сначала подолгу присматривался к псу в сторонке, не решаясь приблизиться (одно дело гонять на даче собачьих недорослей, а другое дело находиться рядом с таким гигантом, по сравнению с которым сам выглядишь мелковатым). Когда Фредди в ожидании, когда его поведут гулять, терпеливо ожидал у входной двери, Дима с большой опаской обходил собаку, чтобы пробраться в туалет, или на кухню.

Но самые большие затруднения возникали у кота, когда псу в комнате сына, отведенной ему под жилье, становилось то ли тесно, то ли жарко от батарей отопления, и он глубокой ночью, либо ранним утром выбирался в полусонном состоянии из своей «конуры» на середину внутриквартирного коридора, где ему было вольготнее и прохладней. Любитель ночных прогулок по квартире, Дима вдруг натыкался на косматое чудовище, растянувшееся чуть ли не на всю ширину коридора. Оно звучно похрапывало, словно взрослый здоровый мужик, в такт мерно вздымающимся и опадающим бокам.

Кот с недоумением взирал на него, не понимая, как ему пройти дальше. В первую ночь он просто развернулся и ушел восвояси. В следующий раз попытался одолеть преграду через узкий проход между стеной коридора и задними лапами пса. И это ему удалось. Только вот когда проход остался за спиной кота, Фредди, увидев что-то во сне, дрыгнул ногой, которая, распрямившись, словно сжатая пружина, пнула вдогонку удаляющегося кота. Возмущенно мявкнув, Дима рванул на кухню.

Однако искать пути преодоления сонного Фредди после этого не перестал. Попробовал перепрыгнуть — тяжеловат оказался для таких прыжков. Наконец, нашел выход. настолько же простой, насколько и рискованный. Кот взбирался на распластанное туловище пса по животу к хребту, а отсюда спрыгивал на пол. Судя по вздрагивавшим в эти моменты собачьим бокам, Фредди явно ощущал присутствие на них кошачьих лап, но виду не подавал и не препятствовал Диме осуществлять его героические «рейды». По-видимому, из уважения ко всем тем, кто приютил его в этой квартире. А Дима, пес понял, входил в их число.

Я рассказал о ночных «рейдах» нашего кота дочери, на что Наташа заявила, что пора сделать их настоящими друзьями. Я только хмыкнул в ответ, не в силах себе представить, как это вообще возможно. А Наташа в тот же день взялась за реализацию своей идеи.

После обеда, когда Фредди, положив голову на лапы, подремывал в своей «конуре», Наташа принесла кота и посадила рядом с псом. У кота на загривке вздыбилась шерсть. Он сердито заурчал и отодвинулся.

— Ну, что ты, Димочка, испугался? Не бойся! — глядя кота, стала увещевать Наташа. — Фредди хороший, добрый, только несчастный. — При этих словах пес, словно бы подтверждая их неоспоримую правоту, тяжело вздохнул и печально посмотрел на Наташу из-за шторок волоса-

тых надбровий. — Давай его погладим!

Наташа брала в свою руку кошачью лапу и тянула к собаке. Кот инстинктивно отдергивал ее. Однако дочь раз за разом настойчиво повторяла попытку. Наконец, ей удалось добиться своего и провести Диминой лапой по боку пса.

— Тебе понравилось, Фредди, правда? — спросила Наташа, и пес как бы в подтверждение, коротко гавкнул густым басом. — Ну, вот, хорошо, — удовлетворенно констатировала дочь. — А теперь, — обняла она кота, — попробуй погладить его сам. — И подтолкнула к псу.

И — о, чудо! — Дима, выпустив на всякий случай острые когти, уже самостоятельно, как гребешком, прошелся сверху вниз по жесткой шерсти Фредди. Пес покосился на кота, а тот через пару мгновений уже по собственной инициативе повторил свой «жест доброй воли». Наташа радостно захлопала в ладоши. И тут же взялась за укрепление собачье-кошачьей дружбы.

Диму нам принесли, когда ему было несколько месяцев от роду, а дочь училась в третьем классе. Мечтала она, правда, о собаке, но и разрисованный медовыми полосами котенок, похожий на тигренка, так ей понравился, что сразу же стал ее любимцем. Что касается «собачьей темы», то и она нашла свое отражение в отношениях Димы и Наташи. За неимением самой собаки, девочка взялась учить собачьим командам кота. Занималась этим не один месяц. Результаты, однако, были очень скромные. Из полутора десятков команд кот усвоил только две: «голос» и «дай лапу». «Голос!» — командовала Наташа, и Дима в ответ едва слышно мявкала. «Лапу!» — требовала она, и кот поднимал и протягивал ей переднюю лапу. Причем делал это куда с большей охотой, чем по приказу мяукал. Выполнение этих команд, особенно протягивание лапы, принесло Диме известность среди наших родственников и в кругах кошатников, где мы общались, и стало, можно сказать, его «визитной карточкой». Поэтому после того, как кот погладил Фредди, Наташе сразу же пришла мысль использовать уникальную Димину способность.

— Дима, лапу! — сказала она.

Кот охотно протянул ей лапу.

— Да не мне, а Фредди, — досадливо поморщилась девочка и прямо с протянутой лапой повернула Диму к собаке.

Кот застыл напротив. Фредди понюхал кошачью лапу и, оторвав от полу, подал в ответ свою, в которой Димины буквально утонула.

— Мама, папа, быстрее сюда, смотрите! — в неопишемом восторге закричала Наташа. Мы с женой поспешили к ней, и

увидели необычное зрелище — «рукопожатие» кота и пса.

Оно оказалось поистине символическим, и стало началом их дружбы. Исчезла взаимная настороженность. Дима не только безбоязненно перебирался по ночам через Фредди, но и при желании мог поточить об него когти, что, по всей видимости, псу доставляло немалое удовольствие. Нередко они и засыпали рядышком, чуть ли не в объятиях друг у друга. В общем, надо было признать, что Наташе удалось успешно решить проблему совместимости нашего кота-аборигена и пришлого пса.

* * *

Хватало, впрочем, с Фредди, и других проблем. Давала о себе знать бродячая жизнь пса. Пришлось для начала хорошенько отмыть его в ванне с дегтярным мылом под теплым душем. Но даже после этого он не переставал чесаться. Особенно донимали собаку уши.

Жена повела его к ветеринару. Внимательно осмотрев, врач нашел у Фредди целый букет разных болезней, в числе которых ушного клеща, который и вызывал сильную чесотку. Нашлись, кроме того, блохи и другие паразиты. Врач прописал кучу лекарств, на которые мы потратили уйму денег из нашего и без того очень скудного бюджета, в связи с чем я не преминул подколлоть жену: «Вот цена твоей доброты. И это, думаю, только начало». Жена молча проглотила эту «пилюлю» и с помощью дочери продолжала самоотверженно выхаживать Фредди.

От того же ветеринара мы узнали, что Фредди относится к довольно редкой, а в наших сибирских краях экзотической породе «ирландский волкодав». Так что оказался он хоть и бродячей, но совсем не простой собакой. Однако голубых кровей замашек в его поведении не наблюдалось. Он не капризничал, никаким образом не давал знать о своей редкой породистости. Если в чем и выражалась его собачья особенность, выделявшая из общей массы, так это в присущем ему врожденном благородстве.

Стараниями моих женщин Фредди довольно быстро оправился, избавился от болячек. И так же быстро мы привязались друг к другу. Даже я, главный противник того, чтобы пес жил у нас. О самом Фредди и говорить нечего. Он просто боготворил всех нас, включая кота.

С появлением пса в семье прибавилась новая забота — прогуливать его. С котом в этом плане все было просто: приучил к лотку — и голова дальше не болит о кошачьей туалете. С собакой, да еще такой большой, гораздо сложнее. Лотком

не обойтись. По крайней мере, два раза в день надо выводить на прогулку, чтобы делала свои дела.

Но как раз эту проблему мы решили, пожалуй, быстрее всего. Поскольку я по давно заведенному порядку вставал раньше всех, то и утренняя прогулка с Фредди выпадала мне. Пока я приводил себя в порядок, одевался, Фредди терпеливо дожидался у входной двери. Потом сам подставлял шею, я надевал ошейник, пристегивал к нему поводок, и мы отправлялись на свежий воздух.

Поздняя осень погодой не баловала: то мелким нудным холодным дождем встречала, а то и «белыми мухами», напоминая, что зима на подходе. Невзирая на это, прогулки наши продолжались по часу и более. За это время мы успевали обойти весь наш микрорайон с соседним парком в придачу. Нам хватило одной первой прогулки, чтобы Фредди запомнил сей, ему, кстати, поправившийся маршрут, и в дальнейшем уже не я, а он вел меня по нему согласно своим собачьим меткам.

Едва поспевая за Фредди с туго натянутым брезентовым поводком в руке, я в полной мере ощущал, насколько это мощная собака. Собачников с их разномастными питомцами встречалось у нас на пути немало. Но, еще издали завидев Фредди, они старались обойти нас стороной. Даже, несмотря на то, что Фредди дружелюбно помахивал хвостом. Кое-кто из собачников удаленно пытался возмущаться, что такая большая собака и без намордника, но подойти ближе не решался. В душе я соглашался с ними, и сам себе обещал, что в ближайшее время куплю намордник на всякий пожарный. Но вскоре произошедшие один за другим два инцидента переубедили меня в такой необходимости.

До поры собак, равных Фредди, в местах наших прогулок не встречалось. Значительно мельче попадались и слабее. Но в один из утренних променадов мы напорились на такого же здоровенного, только светло-коричневого и гладкошерстного дога.

Он выскочил из густых кустов заброшенной аллеи на окраине парка без поводка и намордника в одном ошейнике и бросился к нам. Разделявшие нас три или четыре шага дог преодолел одним мощным прыжком. Но Фредди, стремительно развернувшись, встретил нападавшего грудью. Я едва успел отстегнуть длинный поводок, чтобы Фредди, не запутался в нем, и собаки сцепились в жутко рычащий клубок, в котором невозможно было ничего в отдельности различить.

— Томас, Томас! Куда ты рванул, за раз? — раздалось из тех же кустов и по-

казалось следом бородатое бритоголовое существо в солнцезащитных очках.

Выбравшись из кустов, мужик удивленно воззрился на дерущихся псов.

— Что происходит? — спросил он.

— А то и происходит, что твой барбос выскочил из кустов и набросился на моего пса, — зло сказал я и, подобрав суковатую палку, уже собрался треснуть ею вероломного дога, но его хозяин перехватил мою руку:

— Подожди, земля, щас разрулим! — И рявкнул так, что мне показалось, будто я стою рядом со львом: — Томас! — Далее непечатная очередь. — Фу! Фу, я говорю!

Я тоже стал кричать «фу», хотя еще ни разу не прибежал к этой команде (не было повода) и даже понятия не имел, а знает ли ее Фредди. Но оказалось — знал, потому что, услышав, приостановил боевые действия, не спуская с противника настороженного взгляда, в любой миг готовый продолжить поединок. И точно так же поступил дог.

Мы немедленно оттащили за ошейники в разные стороны своих псов, взяли их на поводки, а уж потом спокойно и вполне дружелюбно обсудили ситуацию.

— Ты, земля, извини, что так вышло. У Томаса в парке, да и вообще на районе конкурентов нет. А на всякую собачью шпану он внимания не обращает. А тут такой же крутяк отыскался. Вот и зыграло, сам понимаешь...

— Да уж, — согласился я, — нашла коса на камень...

— Красавец! — похвалил бородатый Фредди. — Только что у него за порода?

— Ирландский волкодав, — просветил я его. — И бросил ответного «леща»: — Твой тоже хорош!

Так и разошлись с миром, предварительно согласовав на будущее наши маршруты прогулок с тем, чтобы они не пересекались.

Следов той драки на Фреддиной шкуре осталось немало. Но и догу пперепало изрядно. «А, не дай бог, был бы в наморднике?..» — с ужасом подумал я.

Едва успел Фредди зализать раны, полученные в поединке с догом, как новая стычка. Только теперь уже не с собаками...

Днем Фредди переходил в руки моей жены. А вечерами, после возвращения из школы и выполнения домашних заданий им завладевала дочь. С ней Фредди гулять любил больше всего. Оно и понятно: если я и жена пса в основном лишь выгуливали с главной целью дать ему возможность справить на улице естественные нужды, то Наташа с ним еще и играла. Девочка креативная, она гораздо была на всякие выдумки, и они весело проводили время. За час-полтора прогулки Фредди

выбегивался так, что обратно домой едва плелся.

В этот вечер всё было, как всегда. В седьмом часу Наташа с Фредди отправились на вечернюю прогулку. Ноябрьские дни быстро укорачивались, и к этому времени суток становилось уже совсем сумеречно. Для прогулок Наташа с недавних пор облюбовала пустырь за гаражами на противоположной стороне шумной магистрали, к которой примыкал наш микрорайон. Там было просторно, безлюдно, и ничто не мешало их с Фредди играть. Выпавший накануне снежок освежал воздух и как бы подсвечивал пустырь снизу, от земли фосфоресцирующим светом. Наташа отстегнула поводок и слегка шлепнула им Фредди:

— Давай побегай по своим делам!

Пес умчался к гаражам, а Наташа полной грудью вдыхала не испорченный здесь автомобильным перегаром воздух. И не заметила, как возникли за ее спиной эти двое. Долговязые, в одинаково темных в ранних сумерках куртках с натянутыми по самые глаза капюшонами, под которыми плохо видны были лица, они находились уже в явном подпитии. Может, где-то тут среди гаражей и бухали.

— Во, Колян, глянь, какая конфетка! — неожиданно гаркнул над ухом Наташи один из них, облапив ее сзади.

— Ништяк! — возник перед ней другой и предложил: — Давай, братан, мы сейчас с нее фантики снимем и попробуем, какая она на вкус?

— Давай! — радостно согласился «братан», не выпуская Наташу из своих объятий. А Колян уже взялся расстегивать Наташину куртку.

— Что вы делаете? Что вам надо? — стала вырываться перепуганная Наташа.

— Щас узнаешь! — глумливо пообещал Колян, продолжая освобождать ее от «фантиков».

— Перестаньте, прекратите! — отбивалась Наташа. И тут же вспомнила о собаке. — Фредди, Фредди! — стала звать она.

Напавший сзади верзила зажал ей рот ладонью. Но было поздно. От гаражей к ним мчался, едва касаясь длинными мощными лапами заснеженной земли Фредди.

На все дальнейшее ушло не более полминуты. Пулей долетев до места происшествия, Фредди с разгона в прыжке толкнул передними лапами Коляна в спину так, что повалились все трое. Фредди и на земле не позволял Коляну встать, терзая его лапами и зубами. Братан, падая, невольно разжал объятия, и Наташа смогла вскочить и отбежать в сторону. Быстро поднялся и «братан». Выхватив нож, поспешил к Коляну.

— Фредди! — предупреждая закричала Наташа.

Оставив истерзанного Коляна, Фредди вскинул голову и, мгновенно оценив грозящую опасность, в великолепном прыжке успел перехватить запястье «братана» с занесенным для удара ножом. Верзила взвыл от боли, роняя нож. А Фредди терзал уже его. И неизвестно, чем бы все это закончилось, не взмолились неудавшиеся насильники, отпустить их подобру-поздорову, пока этот зверь не загрыз насмерть.

— Фу! — сказала Наташа и усадила разгоряченного пса рядом с собой.

Кое-как отряхнувшись, охая и хромая, парочка побрела восвояси. Через несколько шагов Колян оглянулся и злобно прошипел:

— Ну, падла, мы тебя из-под земли достанем и тогда...

Он еще не успел закончить фразу, как Фредди, уловив в его словах угрозу, бросился к нему...

Наташа неторопливо шла между темных гаражей к широкой, хорошо освещенной их улице, слыша впереди басовитый лай Фредди, который гнал обезумевших от страха гопников, как когда-то его ирландские сородичи преследовали волков, и ее переполняло чувство гордости за своего рыцаря и защитника.

Когда, вернувшись с прогулки, Наташа поведала нам с женой о случившемся, памятуя о том, как бесстрашно бился Фредди в парке с чужим агрессивно настроенным догом, я безоговорочно поверил каждому слову дочери и вполне разделил ее гордость за отважного телохранителя. А вот перепуганная от услышанного жена, всплеснув руками, заявила:

— Нет, тебя я одну прогуливать собаку больше не пущу! — И повернулась ко мне, ища поддержки. Едва сдерживая слезы, смотрела на меня и Наташа.

— Ну, почему же? — не согласился я с женой. — По-моему, если рядом Фредди, за нашу дочь можно быть спокойными.

А про себя опять подумал: «Если, конечно, пес без намордника».

* * *

В общем, жизнь Фредди на новом месте налаживалась, а сам он все уверенней интегрировался в нашу семью, становясь полноправным ее членом.

Прекрасный я пес! Одно было непонятно: почему оказался на улице? И вспомнилась дачная тетка, которая, как я сейчас понимал, называла тогда весьма точную, хотя и жуткую в своей бесчеловечности причину: «надоели — бросили!» Скорее всего, и от Фредди прежние хозяйева избавились по той же логике! Или испугались, увидев, что из крохотного щенка выросло. Впрочем, это уже не важно. Суть та же: надоел — выбросили!

И сразу же подумалось: «Господи! Да что там животные? СМИ и пресса буквально кишели криминальными сообщениями о том, как современные мамы-кукушки подкидывали своих детей то на крыльцо детдомов, то оставляли в торговых центрах, а то и вовсе в мусорных контейнерах. Но эти, ладно, хоть самих младенцев не трогали. А сколько малышей погибало по вине нерадивых или зверино жестоких родителей, которые в пьяном либо наркотическом угаре истязали, увечили и даже убивали своих малых детей только за то, что плакали, например, мешая уснуть, или просили есть! Что уж тут про несчастных собак и кошек говорить!..

На фоне всего этого Фредди, с моей тогда точки зрения, несомненно, повезло. Попал в хорошие руки, перспективы его дальнейшей судьбы особых сомнений, казалось бы, не вызывали. Тем более что первоначальные проблемы, с ним связанные, отпадали как засохшие струпья со старых болячек. Кроме одной, но очень острой. Касалась она Фреддиного пропитания.

Даже просто прокормить такую большую собаку (не говоря уж о каком-то особом для этой породы режиме питания) было непросто. Особенно в подобных нам семьях, балансирующих на грани нищеты и выживания. Постоянной работы ни у меня, ни у жены тогда не было и не особо предвиделось. Перебивались, как могли и чем удавалось. Я — то погрузочно-разгрузочными работами на железной дороге, то какими-то подворочившимися шашками; жена пыталась продавать взятый у оптовиков на реализацию ширпотреб. Денег едва хватало, чтобы раздавать долги, оплачивать квартиру и сводить концы с концами. Пропитание Фредди ложилось на нас нелегким бременем, которое с каждым днем только увеличивалось.

И это при том, что в еде пес был неприхотлив, ел все, что давали: от любого хлеба до черствого хлеба, размоченного в воде. Просто крупное тело такой собаки и пищи требовало соразмерно больше.

Однажды жена вернулась домой с эмалированным литром на четыре бидончиком в руке. Была она в прекрасном настроении, очень чем-то довольная. Давно, очень давно я не видел ее такой. Наверное, с торговлишкой сегодня повезло, предположил я. И ошибся. Едва раздевшись, жена поспешила к Фредди. Пес, шумно втягивая воздух, потянулся навстречу.

— Большую ложку принеси! — попросила жена.

Я принес ложку, и жена взялась выскребать из бидона ложкой содержимое. Это была мешанина из макарон, куриных

шкурок, овсяной каши, кусочков хлеба, и каких-то других продуктов, перемешанных с коричневатым подливом. Все это курилось теплым парком и вполне съедобно пахло.

— На ужин тебе хватит, — сказала жена, выпростав половину банки. — А это на завтрак, — закрыла ее крышкой и подтолкнула пса к миске: — Ешь!

Фредди не стал ждать повторного приглашения и взялся за дело. Несколько минут слышалось его громкое чавканье, сопение. Наконец он оторвался от чисто вылизанной миски, поднял голову на жену и благодарно гавкнул.

— Что бы это значило? — спросил я.

— Фредди сказал «спасибо».

— Я понял. За что спасибо-то?

— За то, что хорошо поел. — Жена не стала больше томить и сказала: — Я, кажется, решила проблему Фреддиного пропитания.

— Каким же образом?

— Ты подругу мою институтскую, Люду Куломзину помнишь?

— Припоминаю. И что?

— Я давно ее не видела. Потеряла совсем. А сегодня столкнулись с ней на улице. Представляешь!

— Ну, и?.. — начинал я терять терпение. Какое мне дело было до ее подруги, которую я и видел-то всего пару раз!

— Она раньше, как и мы, в НИИ служила, потом институт закрыли, осталась без работы...

— Короче!

— Сейчас в детсаде воспитателем.

— Инженер воспитателем?

— А чего ты удивляешься? Сейчас время такое: люди сплошь и рядом занимаются совсем не тем, чему их учили.

— Это — да!

— Так вот. После детей много недоеденного остается. И мы с Людой договорились, что я буду к концу ее смены приходить и эти остатки забирать. Для Фредди. Они все равно выбрасывают.

— Значит, будешь пса объедками кормить?

— Ну, тогда найди возможность ублажать его вырезкой и сахарными косточками, — съязвила жена. — Крыть мне было нечем. — Да ему и без разницы? Ты же видел, с каким удовольствием он все сейчас уплетал!

— Да уж... — вынужден был я согласиться.

Детсадовские объедки на несколько месяцев стали для Фредди настоящим спасением. На нем даже шерсть залоснилась

Увы, недолго музыка играла... С началом весны садик закрыли. Якобы за не на-

добностью из-за плохой заполняемости. Хотя на самом деле какому-то новоявленному банку приглянулось детсадовское здание, и он его купил. Естественно, «позолотив ручку» нужным чиновникам. Дело в девятидесятых годах рядовое и обычное.

В результате Фредди потерял неплохой «паёк». А коллектив детсада так и вовсе пострадал хуже собаки, потеряв средства к существованию. Впрочем, кого тогда такие «мелочи» волновали! Тем более если речь шла о выгодной (не для детсадовского персонала, конечно, и посещавших заведение детишек родителей) сделке.

На Фредди, да и на нас всех, безвременная кончина этого дошкольного учреждения отразилась очень чувствительно. Сравнительно сытое существование пса закончилось. Что касается нас с женой и дочерью, то мы и раньше-то ничего лишнего не могли себе позволить, а теперь и вовсе стали вместе с собакой жить впроголодь.

К чести Фредди, новый поворот судьбы он встретил достойно. Поначалу, конечно, удивлялся, куда подевалась ставшая привычной детсадовская мешанина из остатков каши супа, омлета, немудреных салатов и винегретов по утрам и вечерам, заглядывал жене в глаза, обнюхивал эмалированный бидон, из которого ему все это в миску накладывали. Но однажды как-то разом все понял, погрустнел и оставил свои ожидания.

А темная полоса нашей жизни становилась все мрачнее и жестче. Бывали дни, когда, кроме хлеба, размоченного в воде, псу и дать было нечего. Выручал небольшой запас дачных овощей: свеклы, моркови, брюквы, кабачков, который, увы, тоже подходил к концу. У дочери от однообразной пищи и недоедания возникло навязчивое желание съесть за один присест большую полукилограммовую банку китайской тушенки марки «Великая стена».

Фредди заметно похудел, сдал. У него запали бока. Он смотрел на нас печальными глазами и лишь изредка осторожно поскуливал, словно понимая, что не он один терпит здесь лишения.

Глядя на него, жена украдкой плакала. У нее появился свой «пунктик».

— Отдать бы Фреддиньку в хорошие руки — чтобы ему было сытно, и он ни в чем не нуждался, — мечтательно говорила она.

— Не надо было его брать в свои, — мрачно отзывался я.

— Я же хотела, как лучше, — оправдывалась жена. И не оставляла надежды устроить Фредди лучшую жизнь.

* * *

И случай такой ей подвернулся.

На исходе апреля к нашей соседке по лестничной площадке приехал брат. Когда-то заводской рабочий, сделался он после сокращения в начале девяностых годов фермером. Где-то сотне верст от города держал хозяйство с разной живностью. Не сказать, чтобы процветал, но и особо не бедствовал. В деревне ему определенно нравилось. Жил там практически постоянно, выбираясь в город только по делам. Приезжал на видавшем виды газике, останавливался у сестры, нашей соседки, но долго не задерживался.

Фермер увидел нашего пса, когда жена выводила его на прогулку. Собравшись звонить в квартиру сестры, он так и застыл, не успев надавить на кнопку.

— Вот это собачина! — восхитился он. — Я таких еще не видал. Что за порода?

Коротко объяснив, жена с Фредди отправилась на прогулку. Но на этом их встреча с фермером не закончилась. Вечером соседка зазвала мою жену в гости. Вернулась она в некотором смутении.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Да нет пока... — как-то туманно сказала жена, о чем-то сосредоточенно размышляя. — Хотя...

— Что хотя? Ты можешь яснее?

— Федору наш Фредди приглянулся. Я, говорит, Федя, а он — Фредди. Очень созвучно. И, в принципе, тезки. Хотел бы забрать его к себе в хозяйство. Просит отдать. Уверяет, что ему там очень хорошо будет. Свежий воздух, вольный простор...

— Ограниченный цепью и собачей будкой, — вставил я.

— А главное — кормежка. Федор обещает Фредди хорошо кормить, — пропустив мою колкость мимо ушей, продолжала жена.

— Наобещать все, что угодно, можно.

— Да по любому там будет ему гораздо лучше! По крайней мере, голодный не останется, — продолжала стоять на своем жена.

Видно, мысль отдать пса в хорошие руки глубоко и прочно засела в ней. А теперь вот наступал как бы «момент истины»: находились эти самые «хорошие руки», готовые принять и облагодетельствовать пса.

Оставалось только радоваться, но что-то меня и настораживало. Я не знал, что за человек был этот Федор, как воспримет его Фредди и воспримет ли вообще? Как пес отнесется к новому переезду? Если бы стоял вопрос избавиться от пса просто как от обузы, вопросов таких, наверное, и не возникло бы. Но за несколько месяцев нашей с Фредди совместной жизни я стал относиться к нему, как еще одному члену

нашей семьи, и вовсе не помышлял избавляться от него, да еще «любой ценой». А ценой «лучшей» жизни Фредди в данном случае становилось его отлучение от нашей семьи, которую, как все мы успели почувствовать, пес успел полюбить. Вот и получается, мы сами ставили сейчас пса перед выбором между вольной сытой жизнью и любовью.

— И что ты на его предложение ответила?

— Сказала: подумаю, — опуская глаза, ответила жена.

Но по ее ускользающему взгляду было ясно, что думать она не будет, ибо решение ю уже приняла.

Было у моей супруги такое качество — во что бы то ни стало добиваться задуманного и доводить начатое до конца. Похвальное, с одной стороны. Но с другой... Вновь возникающих обстоятельств и нюансов она не учитывала. Вернее не обращала на них внимания. Как на не существенные.

Вот и сейчас. Благородная цель обеспечить Фредди светлое будущее заслоняла моей жене все остальные «мелочи», вроде той, что, едва начавшему привыкать на новом месте псу снова придется менять хозяев, среду и атмосферу обитания.

Я попытался объяснить это жене. И услышал в ответ досадливое:

— К нам привык. Привыкнет и к Федору. Или ты хочешь, чтобы из большой любви к нам Фредди и дальше голодал и мучился?

— Кончится же когда-нибудь эта черная полоса...

— Пока она кончится, мы все вместе с псом успеем ноги протянуть, — жестко возразила жена и саркастически добавила: — А с таким главой семейства — тем более!

— Да делай, что хочешь! — обиделся я. — Сама эту собачью историю замутила, сама и расхлебывай.

И ушел пораньше спать, помня об утре, которое вечера мудренее, и надеясь, что оно и жену мою образумит.

* * *

Спалось плохо. Несколько раз просыпался и долго не мог заснуть, слыша тяжелые вздохи Фредди. Видать, и для него сон был тяжел в нерадостных предчувствиях.

Утром, как обычно, мы пошли с Фредди гулять по традиционному нашему маршруту. Когда вернулись, Наташа уже была в школе, а дома нас в нетерпении ждала жена. Она отстегнула поводок и подтолкнула пса на кухню:

— Давай, Фредди, быстренько ешь, да будем собираться.

— Не передумала? — спросил я.

— А что тут думать, — пожалла плечами жена. — От добра добра не ищут.

— Ну, если это считать добром...

— Да перестань! — отмахнулась жена.

В дверь позвонили.

— Федор! — бросилась открывать жена.

В дверях стоял улыбающийся фермер в камуфляжной расцветки куртке и штанах, направленных в сапоги. За плечами рюкзак.

— Здравствуйте! — подал он мне руку.

Я хмуро пожал ее. Настроение было паршивое. Никогда не думал, что буду расстраиваться из-за подобранной на улице собаки. Вместо того чтобы отнестись с философским спокойствием — мол, бог дал, бог и забирает, — взялся переживать.

— Да вы не думайте, — откликаясь на мое состояние, стал успокаивать фермер. — У нас там хорошо, природа, простор. Я его и на цепь сажать не стану. Будет по территории бегать, хозяином себя чувствовать. Откормим. И к настоящему собачьему делу приобщим — сторожить. Станет ферму охранять. От тех же волков. Такого, как он, увидят — близко не подойдут! Так что все путём будет.

— Фредди, иди сюда! — позвала жена.

Пес нехотя вышел из своего обиталища. Жена защелкнула карабин поводка на ошейнике, подтолкнула его к выходу. Не вставая, Фредди глянул на меня, словно спрашивая: что делать-то? В замешательстве я отвел глаза.

— Давай-давай, пошли! — хлопнув собаку по крупу, поторопила жена.

На сей раз Фредди послушался и последовал за ней и фермером. С тяжелым сердцем поплелся за ними и я.

Фермерский газончик ночевал на автостоянке неподалеку от дома. Мимо нее пролегал наш путь утренних прогулок. Сегодня мы с псом уже проходили здесь сначала туда, потом обратно. И вот снова...

Дойдя до ограждения автостоянки, Фредди с недоумением оглянулся на меня: что, мол, происходит, хозяин? А мне нечего было ответить ему. Я и сам пребывал в полной растерянности. Да, неправильно мы, наверно, сейчас поступаем, отдавая пса совсем чужому человеку, о котором почти ничего не знаем, да только ведь и у нас все хуже и хуже становится. Может, и правда эта ферма — спасение для Фредди?

Мы зашли на территорию автостоянки. Фредди настороженно и тревожно озирался, следуя за женой. Вот и газончик Федора с брезентовым тентом. Фермер открыл правую дверцу машины, опустил спинку переднего пассажирского кресла. Чужа неладное, Фредди начал ти-

хонько поскуливать.

— Прошу! — широким жестом пригласил Федор. И не понятно было: то ли к псу лишь это относилось, то ли заодно и к супруге моей.

Жена отстегнула поводок, подала фермеру:

— Нам уже ни к чему.

Пес взволнованно переводил взгляд с фермера на жену, потом на меня.

— Все, Фреддинька, будем прощаться... — дрогнувшим голосом сказала жена и обняла пса за шею.

Тот в ответ усиленно заработал языком, облизывая ей щеки, нос, лоб. Я тоже погладил его, потрепал на прощание за ухом. Пес лизнул несколько раз и мою руку.

— Ну, все, Фредди, все! — отстранилась жена и подтолкнула его к открытой дверце: — Полежай!

Фредди не шелохнулся. Сидел серым каменным изваянием. А в ореховых глазах его под густыми щетинистыми метелками застыло недоумение. «Вы бросаете меня? Я стал вам не нужен? Мы ведь хорошо жили! — спрашивали они. И умоляли: — Не бросайте меня! Я же так вас всех люблю!..»

Сухой колючий горький комок застрял у меня в горле. Видел, что и жена едва держится.

Глаза Фредди спрашивали и не находили ответа. Крупные горошины слез капились по его косматым щекам.

«Хорошо, что всего этого не видит Наташа», — подумал я.

— Иди, Фреддинька, иди, — снова подтолкнула его жена — Не поминай лихом!

Пес зашевелился, медленно поднялся, сделал к машине шаг, другой. Перед дверцей обернулся и вдруг залаял с таким терзающим душу горестно-тоскливым подвывом, словно давая прощальный гудок, что у меня сжало и защемило сердце. Потом отвернулся и сам, без понуждения забрался в кабину.

Федор поднял за ним кресло, захлопнул дверцу: и снова заверил нас:

— Не волнуйтесь, Фредди у меня понравится. Все будет путём.

Он забрался на свое водительское место, завел машину, подождал несколько минут, пока она не прогреется, и медленно тронулся с места. Все это время я напряженно всматривался в дверное оконце в надежде, что Фредди покажется в нем напоследок, и я помашу ему на прощанье. Но в полусумраке кабины угадывался только силуэт пса, а сам он, видимо, страшно обиженный на нас, выглядывать не собирался.

Фермер уехал, а мы с женой в полном молчании вернулись домой.

И вот тут-то супруга дала волю слезам. Едва раздевшись-разувшись, она прошла в комнату сына, ставшей на некоторое время пристанищем Фредди, и бросилась на диванчик, рядом с которым еще нынешней ночью спал он на подстилке. Она рыдала в голос, плечи ее ходили ходуном. Но после произошедшего слезы жены не вызывали во мне никакого сочувствия. Это ее стараниями Фредди с нами не стало. Хотя я и себя-я не оправдывал: мог, наверное, решительнее воспрепятствовать, «лечь костями», чтобы не отдать пса, но не сделал, фактически ушел в сторону, «умыл руки», оставив окончательное решение за женой. И все-таки главной виновницей считал ее, заиклившуюся на идее пристроить пса «в хорошие руки».

— Вот и нет с нами нашего Фреддинки, — проплакавшись и чуть успокоившись, жалобно сказала жена.

— Благодаря тебе и нет! — мрачно отозвался я.

— Зато теперь я за него спокойна.

— А совесть твоя?

— Ну что совесть, что совесть! — нервно вскопчила жена и пошла в залу.

— Ты видела, как он смотрел на нас перед тем, как уехать, слышала, как лаял на прощанье? — шел я следом.

— Слышала, видела — ну, и что?

— А то, — взорвало меня, — что он молил не бросать его, просил остаться ему с нами! Он нам поверил, полюбил нас, а мы — ты, прежде всего! — его предали. И отдали чужим за кусок хлеба. — И тут мне в голову пришла мысль, которую я тут же решил проверить. — И, наверное, не только за кусок, а?! — заорал я чуть не в ухо жене и развернул к себе: — Поди, и заплатил? Отвечай!

— А что такого? За хорошую-то собаку? — сказала жена. — А нам сейчас каждая копейка дорога.

— Да ты еще и Иудушка! — зло бросил я.

— Это почему же? — обиделась жена.

— А ты не подумала о том, что ему сытая жизнь, может быть, вообще не главное? Может быть, для него нужнее и важнее всего тепло, ласка да любовь? Тем, может, и отличается этот пес, что у него большое сердце, полное любви. Его оставили на улице прежние хозяева. Он интуитивно прибил к тебе, к нам, принял нас в свое сердце, полюбил. И вот теперь на его доверчивость и любовь наш ответ — такой же, видно, как и у тех, прежних предательский, вероломный и подлый.

Мы и не заметили в пылу разговора, как вернулась из школы Наташа. Что-то из нашего разговора она успела услышать и теперь трясущимся губами спрашивала нас:

— А куда вы дели Фредди?

— Доченька, там ему будет хорошо, очень хорошо! — заметалась жена.

— Очень хорошо Фредди могло быть только у нас! — отрезала Наташа и с ужасом сказала: — Значит, ты, все-таки, продала его фермеру...

Как я потом узнал, Наташа накануне вечером, когда я ушел спать, тоже пыталась отговорить мать от сделки с фермером и та даже обещала дочери не совершать ее, но, как оказалось, обманула и сделала по-своему.

Дочь до вечера проплакала в ванной, а потом еще долго не разговаривала с матерью. Она вообще замкнулась, как бы ушла в себя от внешнего мира, и едва ли не самым любимым теперь ее занятием стало рисование. Способность к нему была у нее с детства. Но если раньше рисовала она преимущественно городские дома, улицы, портреты друзей и одноклассников да наши пригородные дачные пейзажи, то теперь на альбомных листах появлялись в основном изображения собак. Как в полный рост, так и в различных ракурсах. Но на всех рисунках просматривалась один, знакомый нам, пес — ирландский волкодав по кличке Фредди. Некоторые, особенно поясные его портреты, были так выразительны, что хоть сейчас на выставку.

Наверное, так дочь моя выплескивала свою тоску и любовь к Фредди, а заодно и преодолевала депрессию, связанную с потерей пса.

Переживали депрессию и мы с женой, до которой, кажется, стало доходить, чем могут обернуться непродуманные благие намерения. Она потеряно бродила по квартире, что-то бормоча себе под нос. А когда внезапно останавливалась, устремив взор в потолок, удавалось слышать: «Прости, Фреддинька, я же как лучше хотела...». Глядя на жену в такие моменты, я начинал думать, а не поехала ли у нее «крыша»?

Что касается меня, то к вечеру того же дня, когда фермер увез к себе пса, я забрел в одну из ближайших забегаловок, которых в те годы развелось превеликое множество, и с глубокого расстройством изрядно выпил. Обычно алкоголем не увлекаюсь, но тут...

Не помню, как добрался до дома, как заснул. Снился Фредди у изголовья с печальным укоризненным взором. Рядом терся о его ногу Дима, беззвучно открывая рот. Но и без звуков я понимал, что кот говорит что-то явно осуждающее в мой адрес.

Очнулся я в комнате сына, на подстилке у диванчика, где до вчерашнего дня спал Фредди. Кот сидел в головах, по-

хлопывал мягкой лапой по щеке, словно пытаюсь разбудить, и что-то сердито, как мне показалось, мурлыкал в самое ухо. Я тяжело поднялся. Голова трещала, сердце билось с переборами, во рту пересохло. Состояние было хуже некуда.

Я вышел в коридор. Кот бросился следом. У входной двери он завертелся волчком, громко мяукая, словно спрашивая: «Ты здесь, дома, а где Фредди? Вы же на прогулку по утрам ходите вместе?». Мне стало тошно до невозможности. А Дима многие дни потом не находил себе места: мотаясь по квартире в поисках пса. И подолгу стоял у входной двери в ожидании, когда на пороге появится Фредди и дружески ткнет его в бок своим большим мокрым носом.

* * *

Жизнь наша, между тем, продолжалась. Правда, уже без Фредди. Как она там, на «вольных хлебах, гадали мы. Мобильные телефоны в ту пору в наших провинциях были еще огромной редкостью, а других способов связаться с фермером не имелось.

Но в середине июня фермер объявился сам. Прибыл все на том же потрепанном газике и ошарашил неприятнейшим известием: Фредди сбежал! Как сбежал? Куда? Почему? Мы были в шоке! И вот что мы узнали от самого Федора.

* * *

Не сказать, что новый поворот в своей судьбе Фредди встретил с восторгом, признал фермер. Ходил поначалу, как потерянный, словно никак не мог поверить, что он здесь, присматривался ко всему вокруг, принимаясь. Не похоже тут было ни на дачу, ни на городскую квартиру.

Федор с женой и взрослыми сыновьями обитали в большом рубленом, хоть и старом, но еще крепком, доме с разными надворными постройками и соток на тридцать приусадебном участке на краю заброшенной деревни, где кроме них, доживали свой век несколько одиноких стариков и старух. Усадьба эта досталась Федору от покойных родителей, а после сокращения на заводе, стала ему неплохим «запасным аэродромом».

Держал Федор несколько овец и свиней, пару коров, десятка два кур, но все это больше для себя, чем на продажу. Имел и небольшую пасеку. В основном же занимался разведением гусей и уток, благо водоемов в округе было хоть отбавляй, и кроликов.

Хозяйство хоть небольшое, но хлопотное. Да и вести его было небезопасно. Не потому, что конкуренты мешали или ворье с мародерами доставало. Какие там

конкуренты, если на многие километры вокруг и фермеров-то, подобных Федору, не было: мужики, рабочие близлежащих совхозов, разбрелись по городам и весям счастья искать, а немногие оставшиеся потихоньку спивались. Мародерствующие же людишки сюда в глушь редко заглядывали. У оставшегося в брошенной деревне старичья взять уже было нечего. Ну, а фермер с сыновьями могли непрошенных гостей таким ли еще огнем ружейным встретить!..

Так что большой сильный пес нужен был Федору для других надобностей.

Почти со всех сторон деревню окружала угрюмая тайга. Она начиналась сразу за поскотиной и конца-края ее никто никогда не знал. Богата она была грибами, ягодами. Хватало и зверья всякого, вплоть до волков, лосей и даже медведей. Когда деревня была жива, многолюдна и имелись в ней охотники, таежные обитатели старались обойти ее стороной. Но пришли иные времена: деревня опустела и практически перестала существовать. И зверье когда от бескормицы, а то и просто в надежде поживиться чем-нибудь в оставленных людьми домах, погребах, надворных постройках стало забредать сюда. С появлением же хозяйства Федора набеги участились. Особенно донимали лисы и волки. Пасека тоже без внимания не оставалась — медвежьего. И уже имелись у Федора потери.

Вот почему на большие надежды возлагал на Фредди. Были у Федора и кроме него две небольших дворняжки, однако они могли лишь оповестить своим громким лаем об опасности, но не спасти от нее. Фредди же, надеялся Федор, и лис от фермы отведит, и волкам дорогу закажет. Да такой, радовался, глядя на пса, фермер, в случае чего, и медведю даст прикурить!

День за днем, Фредди понемногу осваивался. Пригодился ему еще не забытый окончательно опыт бродячей жизни на дачах. Пес быстро понял, что от него хочет новый хозяин. По несколько раз на дню оббегал он по периметру фермерское хозяйство, огороженное где штaketником, где плетнем, а где жердями прясла, следил вместе с дворняжками, чтобы куры, овцы или свиньи не забрались в огород, и тем более уходили в лес. Собаки в нем души не чаяли и слушались беспрекословно. А свиньи с овечками, пытавшиеся проникнуть на грядки, слышав поблизости лай Фредди, пускались наутек. Помогал пес фермерам по утрам выгонять на водоемы, а вечерами загонять на ночевку гусей с утками.

Иногда хозяин брал его с собой в лес. И пока Федор занимался там своими де-

лами, Фредди, не отходя от него далеко, втягивал в себя разнообразные таежные запахи. Некоторые были странно знакомыми. Вот пахло, словно где-то не так далеко среди таежного бурелома затаился его собачий сородич. Только дух от него исходил более резкий, густой и тревожный, наполненный неясной пока для Фредди опасностью, которая заставила непривольно вздыбиться на его загривке шерсть и грозно зарычать.

— Волчару почуял? — догадался Федор. — Правильно, рычи, предупреждай, пусть знает, что ты есть. — И одобрительно погладил пса.

А поздними вечерами в сгущающейся темноте, засыпая в своей просторной конуре, сколоченной специально для него фермером, или на рассвете Фредди слышал иногда чередующееся с отрывистым лаем завывание. Это снова давал о себе знать его лесной сородич.

И однажды состоялась их очная встреча. Была уже глубокая ночь, когда пес вдруг почувствовал его запах. Он был близко. Фредди вскочил, выбрался из будки и увидел сразу за изгородью два желто-зеленоватых светящихся огонька. Напружинившись, пес двинулся к ним. И чем ближе подходил, тем сильнее становилось в нем чувство опасности, исходившее от пришельца. За несколько шагов до изгороди Фредди остановился. На него в упор внимательно смотрела большая серая собака с мощным корпусом и лапами. Смотрела, словно оценивала своего визави, а попутно пыталась парализовать своим тяжелым гипнотическим взглядом. Фредди сделалось не по себе. Тело отяжелело, лапы не слушались, шерсть на загривке вздыбилась. Захотелось поджать хвост и убежать, скуля. Но через какие-то мгновения испуг отхлынул, уступая место родовому инстинкту ирландского волкодава, и Фредди, стряхнув с себя оцепенение, сначала устрашающе зарычал, а потом, яростно залаяв густым своим басом, бросился к волку. Путь ему преградило прясло, которым в этом месте была огорожена ферма. Фредди со всего размаха налетел на него, сломав две старые подгнивающие жердины. Волк же, пару раз гавкнув в ответ, развернулся и исчез, будто его и не было. А через несколько мгновений в темноте ночное пространство взорвал его трубный вой, будто о чем-то оповещавший или предупреждавший свою стаю. Прибежавший на лай Фредди Федор с ружьем, никого рядом с псом уже не застал, но все понял.

— Ну, вот, и познакомились!..

Волки с тех пор у его фермы не появлялись.

Казалось, жизнь Фредди снова нала-

живалась. Но глаза пса тосковали. Весна, предположил Федор, или, может, о тех, у кого он его забрал, до сих пор скучает. И сам себя успокоил: ничего, переживет и забудет. А вот подходящую пару ему подыскать, подумал, не мешало бы...

Потом произошел этот неприятный инцидент...

* * *

Выпуская однажды утром свою живность из хлева на выпас, Федор вдруг не досчитался (а он взял за привычку пересчитывать ее каждые утро и вечер, если не был в отлучке) одной овечки. Точно помнил, что вчера, когда, загонял на ночевку, все семь овец были в наличии, сегодня одной не хватало. Где она, куда делась? Украли? Так не было такого до сих пор. Волк опять наведался?..

Федор обследовал изгородь и обнаружил в прясле недалеко от будки пса две сломанные жердины, повисшие на ржавых гвоздях, которыми были прибиты к столбикам. А по ту сторону изгороди — волчьи следы и едва заметную тропку в густом бурьяне, совсем недавно протоптанную.

Фермер бросился к хлеву. В одном месте под досками он обнаружил подкоп. Ну, конечно же, вот!..

Картина складывалась для него вполне определенная. Сломав прясло и сделав подкоп, волк проник в хлев, зарезал овечку и по тропе в бурьяне уволок ее в лес. Но где в это время находился пес, обязанный, по крайней мере, оповестить о появлении волка? Лая его слышно не было, следов борьбы со зверем — не видно. Проворонил, пес поганный, проворонил!

— Фредди! — заорал Федор, возвращаясь к пряслу.

Пес не заставил себя ждать.

— Это что такое? — махнул рукой в сторону сломанного прясла фермер.

Вспомнив ту ночную встречу с волком, пес залаял, словно пытаясь что-то объяснить. Однако, восприняв его лай как признание вины, взбешенный Федор набросился на Фредди:

— Тебя зачем сюда привезли? Даром хлеб жрать да спать? Ты должен был, волк почуяв, всех на ноги поднять и первым зверя на ферму не пустить. А ты?..

Фредди виновато опустил голову и взволнованно забил хвостом, не понимая, прочем, в чем его обвиняют. А Федор распаялся все больше:

— Из-за твоей лени и трусости я овечку потерял. А это, псина ты дурная, полста кило мяса да сколько шерсти еще!.. — Федор запнулся, прикидывая в уме, в какой ущерб ввергла его халатность пса, и раз-

гневался еще сильнее:

— Я тут кручусь-верчусь, рук не покладая, а ты...

В сердцах фермер пнул смиренно, с покаянным видом сидящего рядом пса. Тот вскочил, непонимающе и обиженно взлаял. Федор снова поддел его сапогом. Фредди, рыча, попятился и угрожающе оскалился.

— Я те порычу, порычу... На волчару лучше б клык свои скалил, дармоед!

Вконец разъяренный фермер взмахнул пастушьим кнутом, которым пользовался, когда загонял или выгонял скотину пастись, и со звуком пистолетного выстрела рассек им воздух.

Длинная плетеная сыромятная змея, извиваясь в воздухе, опустилась на спину собаки, больно ужалив ее. Фредди взвыл и бросился бежать. Но сыромятная змея бича в руке озверевшего фермера снова и снова настигала его, пока пес не домчался до своей будки и не забился в самый дальний ее угол. Только тогда, отшвырнув кнут, Федор начал приходить в себя, успокаиваться. И, одолеваемый смутным беспокойством, заново прокручивать ситуацию с пропавшей овцой.

Вернувшись в хлев, он снова осмотрел подкоп и все вокруг него. Волчьих следов не нашел. Зато и сам подкоп, и земля по обе его стороны — с улицы и в хлеву — была густо ископчена свиньями. Эта часть хлева отведена свиньям. Здесь их кормушки. Тут они едят и спят. Значит, и подкоп — скорее всего их работа. Тем более, что загон для овец — в противоположной стороне хлева. А там как раз все цело.

Да и потом, выбравшись на двор, размышлял Федор на пути от подкопа в хлеву к сломанному пряслу, зарезанную овцу незаметно утащить практически невозможно — кровавая дорожка выдала б серого разбойника, а ее, как и следов волчьих, тоже нет. Только крупные собачьи, обрывавшиеся у сломанного прясла, — Фреддины, уже подсыхающие, покрывающиеся корочкой черной грязи.

Выбравшись через образовавшуюся в прясле брешь за изгородь, фермер, наконец-то, обнаружил и волчьи следы. Но, как и собачьи, были они не первой свежести, подернутые подсыхающей корочкой грязи. Подвялена и уже начала подсыхать примятая трава на тропе в бурьяне. Значит, и сама тропа проделана волком не вчера или позавчера, а скорей всего... Федор сразу же вспомнил, как неделю назад надсадно лаял здесь, у прясла Фредди, как завыл в бурьяне волк...

— Но тогда получается, что волк тут ни при чем, а пес и подавно? — обескуражено спросил сам себя Федор. — Тогда где

же овечка?..

Овца скоро нашлась. Она особо-то и не терялась. Просто поутру, пока хозяйка после дойки понесла молоко в дом, забыв плотнее прикрыть дверь в стайку, забрела к коровам, да там у них и осталась, зарывшись в охапку прошлогодней соломы. И очень не хотела покидать коровье пристанище после того, как ее там обнаружили.

Чувствуя за собой вину, Федор заглянул в будку, позвал пса. В ответ услышал глухое и явно не дружелюбное рычание. После безуспешных попыток уговорить Фредди выйти из конуры фермер отступился в надежде, что все перемелется, образуется само собой и пойдет своим чередом.

Не пошло...

Когда настала пора обеда, Фредди в будке не оказалось. На территории хозяйства его тоже не было. Решили, что, возможно, где-нибудь в окрестных кустах или камышах лежит, переживая обиду. Не объявился он и вечером. Не на шутку встревожившись, фермерская семья взялась за поиски. И на следующий день, и через день они ни к чему не привели. И вот уже почти неделя прошла с тех пор, как пес пропал...

— Ну и гад же ты, Федор! Ни за что собаку обидел, да еще избил. Тебя самого бы тем кнутом как следует отходить! — не сдержался я, когда фермер закончил свой рассказ.

— Да я сам себе простить не могу! Бес попутал! Прямо затмение какое-то нашло! — оправдывался фермер. —

— Ну, и где он теперь может быть? — спросил я.

— Честно сказать, я надеялся, что он здесь, у вас, — признался фермер.

— Федор, вы с ума сошли! — всплеснула руками жена. — До нас же так далеко! И он дорогу не знает.

— Тогда просто ума не приложу, — пошутил фермер.

— Да что тут думать! — вскричала, всхлипывая, жена. — Он заблудился в тайге и уже, наверное, погиб.

— А в его гибели виноват будешь персонально ты, Федор! — безжалостно подвел черту я.

Фермер поспешил ретироваться. Сейчас он сам был похож на побитую собаку.

— Ну, что — отдала Фредди в «хорошие руки»? — взялся выговаривать я жене, когда он убрался из нашей квартиры. — Видишь, что руки этого изверга натворили?

— Кто же знал!.. — убито сказала она, глотая слезы. — Он показался мне хорошим человеком.

Вернувшаяся после уроков дочь, узнав о случившемся, разумеется, тоже сильно

расстроилась. Но потом вдруг заявила:

— А я не верю, что Фредди погиб. Он большой и сильный и любого зверя одолевает.

— Дай-то бог! — не стал я спорить, а жена ухватила за слова дочери, как за спасительную соломинку:

— Конечно, Наташенька, конечно — Фредди он такой! Он к нам еще вернется!..

— Ага, вернется — разбежались! Особенно к тебе, предательнице... — пробурчал я.

* * *

После визита фермера прошло еще две недели. Мы начали понемногу смиряться с тем, что, возможно, уже никогда больше не увидим нашего Фредди.

В тот день у нас с женой был запланирован поход на рынок. Продукты здесь были заметно дешевле, чем в магазинах, поэтому тут мы преимущественно и пополняли продовольственные запасы. Делать это, правда, приходилось из-за нестабильности наших доходов весьма нерегулярно. На сей раз нам с супругой удалось кое-что заработать, и мы поспешили к «чреву города», взяв с собой складную хозяйственную тележку. Достаточно крепкая и прочная, способная увезти до полусотни килограммов груза, она хорошо выручала нас и в городе, и на даче, особенно когда приходила пора вывозить урожай.

Чтобы выйти к остановке транспорта, идущего в сторону рынка, следовало пересечь двор и по светофору перейти оживленную магистраль, на другой стороне которой она и находилась. Машин здесь всегда было много, и нередко возникали аварийные ситуации и ЧП.

На рынок мы ходили обычно с утра, когда продавцы еще только выставляли товар. Магистраль в это время, как правило, испытывая пиковые нагрузки, задышалась в пробках. У светофора автомобили стояли бок о бок плотными рядами, нетерпеливо пофыркивая моторами. А когда загорался для них зеленый, срывались с места, как спринтеры на старте стометровки. И несдобровать было заевавшемуся пешеходу, не успевшему вовремя перейти улицу.

Мы подошли к светофору, когда его зеленый глаз начал подмигивать желтому, а последние пешеходы на «зебре» спешили поскорее достичь тротуара.

И тут на противоположной стороне улицы мы увидели собаку: крупную, темно-серую, лохматую, с большой лобастой головой. Она внимательно обнюхивала тротуар перед собой и очень кого-то мне напоминала. А жена с одного взгляда узнала пса.

— Фредди! — закричала она, что есть силы, когда зеленый огонек перестал подмигивать и на короткое время загорелся желтый.

Голова пса на ее голос дернулась вверх. Сомнений не оставалось: это был он! Я еще не успел удивиться его появлению, как Фредди, приветственно гавкнув своим мощным басом, рванулся к нам прямо на загоревшийся в это мгновение красный сигнал.

Машины, взревев моторами, дружно накатились на «зебру». Мы с женой остолбенели от ужаса. Пес заметался между автомобилями, как слаломист на горном спуске, а они «пинали» и подкидывали его бамперами вверх, как мячик. Никто даже не притормозил толком, словно и не видели никого под колесами. Будь Фредди собакой поменьше, наверное, и одного такого «пинка» хватило, чтоб погибнуть, но пес продолжал свой смертельный «слалом», пока проезжая часть не осталась за его спиной, а сам, он не рухнул обессилено у наших с женой ног.

На Фредди не было живого места. Рваные раны по всей шкуре — следы от ударов бамперами — сочились кровью. Сломанная правая задняя лапа буквально болталась на сухожилии. Чувствовалось, что основательно досталось и многим другим костям под его косматой шкурой. Печальную картину довершали разбитый нос и порванное ухо пса.

— Фреддинька! — наклонилась к нему жена. — Ты живой?

Пес мучительно застонал, приоткрыл глаза и слабо шевельнул хвостом в ответ.

Я лихорадочно соображал, что предпринять. Вспомнил, что в паре остановок от нас находится ветлечебница, куда мы водили осматривать Фредди после его появления у нас. Да, но как его туда доставить? Я сделал несколько безрезультатных попыток поймать машину, чтобы доставить Фредди до ветлечебницы. Водители отказывались везти окровавленного пса. Помощи ждать было неоткуда. Да и время было чрезвычайно дорого.

И тут взгляд мой упал на хозяйственную тележку. Попробовать на ней? Но это не мешок картошки, а огромная раненая собака! Других вариантов, однако, я не видел. Кое-как с большим трудом разместили мы с женой пса на металлической тележке и со всеми предосторожностями двинулись в путь. Полностью Фредди на тележку не вмещался. Задние лапы волочились по земле, и жена всю дорогу держала их в руках, чтобы было не так больно, успевая следить и за тем, чтобы и сам пес на каком-нибудь повороте или ухабе не свалился на землю. По дороге Фредди время от времени стонал, взлаивал от

боли, но в целом терпеливо и стойко переносил тяготы своей необычной транспортировки.

Принял нас тот же самый ветеринар, к которому мы водили Фредди в первый раз. Рассказав о случившемся, мы с надеждой воззрились на него. Ветеринар тщательно осмотрел пса, послушал, поставил обезболивающий укол, обработал кровоточащие раны, наложил шину и гипс в месте перелома. Выписал некоторые необходимые сейчас лекарства.

— Вот, пожалуй, и все, что я смогу сейчас для него сделать, — сказал он. — Сломано еще несколько ребер, правая ключица. Их трогать пока не будем — очень болезненно и небезопасно. Но самое плохое, что у пса отбито практически все нутро — печень, почки, легкие... Если честно, то он фактически уже не жилец. Хорошо, если неделю, ну, или чуть больше протянет... — Ветеринар вздохнул и грустно покачал головой: — Дал же бог собаке такую судьбу!

Жена тихо плакала, закрыв лицо ладонями. Слезы тонкими прозрачными струйками стекали между ее пальцев.

— Значит, говорите, обречен?

— Удивляюсь, как он еще под колесами машин, не погиб?

— Мы — тоже...

— Послушайте! — вдруг озарился ветеринар какой-то мыслью. — А может, его усыпить, чтоб не мучился? Прямо сейчас укольчик поставим... И вам легче будет.

— Нет-нет! — замахала руками жена. — Не для того он столько перетерпел, чтобы скончаться, в конце концов, от укола в больнице. Если и суждено ему скоро умереть, то пусть это будет дома, среди близких.

— Дома, конечно, хоть человеку, хоть животному и мир иной уходить приятней, — согласился ветеринар.

— Пошли! — толкнула меня в бок жена.

— А собаку? — придержал я ее. — Опять на тележке?

— Я помогу, — сказал ветеринар. — У меня внизу авто.

Мы с ним осторожно на носилках перенесли пса в машину, и врач доставил нас прямо к подъезду. Потом на тех же носилках подняли Фредди на наш четвертый этаж и занесли в квартиру. На прощание ветеринар дал несколько полезных советов по уходу за собакой и откланялся. От денег он наотрез отказался. Мы с женой не знали, как и благодарить его. Только подумали разом: не перевелись же еще в наши тяжелые смутные времена добрые бескорыстные люди!

Итак, Фредди занял свое законное место, расположившись на знакомой уютной подстилке. И пока жена с дочерью, со слезами ахая и охая, хлопотали над псом, я пытался понять, как сумел он найти обратную дорогу: не потеряться, не заблудиться в незнакомых местах, выжить в тайге, не умерев с голоду и не став жертвой хищников, а, преодолев все преграды, выйти точно к цели? Какие высшие силы вели его к ней более сотни верст по лесам и болотам, бездорожью и совершенно чужим для Фредди дорогам?

Я, конечно, не раз слышал от охотников, бывалых людей, просто собачников и читал, что собаки обладают удивительно развитым чутьем, а некоторые могут улавливать запахи, особенно им знакомые, и вовсе за многие километры. Возможно, к тому же, от своих прапредков волков Фредди унаследовал еще и способность ориентироваться по небесным светилам, благодаря чему они могли преодолевать большие расстояния. Хотя, откровенно говоря, относился я ко всем этим рассказам не больше, чем как к легендам. А теперь вот и наш Фредди стал героем подобной легендарной истории — хотя и реальной, но, все-таки, больше похожей на чудо. Увы, о том, как все было на самом деле, пес поведать нам не мог.

Возможно, им управляли в тяжелом и опасном пути природные (в том числе унаследованные от волка) инстинкты. Но мне подумалось, что имелся у Фредди и другой мощный поводырь — «запах любви», который был для него и стимулом, и безошибочным навигатором, не дававшим сбиться с верного пути.

Я понимал, что это не научно, что на самом деле «запах любви», видимо, не существует. Для человека. А для собаки, если окружающий мир она воспринимает по большей части обонянием, сверхчувствительным своим носом? Нос Фредди, думалось мне, как раз и уловил, несмотря на расстояние, запах того благодатного для него места, где обрел он не просто приют, но и согретую сердечным теплом любовь, какой не было в его жизни до тех пор. Ответив горячей взаимностью и преданностью, Фредди и взаимно от этого места сохранил в себе памятный запах нашего семейного очага — запах, который, в конечном счете, и позвал пса в обратную дорогу (незаслуженное наказание было скорее лишь поводом, толчком), и вел за собою на протяжении всего неведомого для него пути.

То есть высшая сила любви, которая «движет солнце и светила» и помогает любящим сердцам совершать невероятные поступки, воплощенная для Фредди в особом запахе, возвратила его к нам. А

Фредди как раз и был существом с большим любящим сердцем. И не важно, что собака, а не человек. Любви подвластно все живое на земле!

И эта же сила заставила Фредди, презрев смертельную опасность, броситься наперекор автомобильному потоку при звуках голоса моей жены. Человека, которого еще там, на пригородной платформе, полюбил пес с первого взгляда (или запаха?), доверился сразу, безоговорочно и бесповоротно, и до которого после трудного и опасного путешествия оставалось теперь всего два десятка метров, какие мог преодолеть он в несколько своих мощных прыжков...

И здесь стройная цепочка моих рассуждений нарушилась, стала рассыпаться. Он-то полюбил, доверился, а его фактически предали. Пусть и, как была убеждена жена, ради его же, Фредди, спасения. Для преданного, но и гордого, с характером, пса это, как ни крути — смертельная обида. Такое трудно простить. И не прощают. Ведь не простил же он предыдущих хозяев, бросивших его на произвол судьбы! А к нам, перешагнув через обиду, вернулся. Как объяснить? В прокрустово ложе обычной логики это не втискивалось.

Тогда что — снова любовь, у которой своя логика (или отсутствие таковой)? Но как же надо любить, чтобы вернуться и продолжать любить обидчиков. Многие ли из людей способны на такое?

И тут меня осенило. Фредди вернулся, потому что простил! Любя нас по самому высшему счету — простил. Оттого и вернулся, что простил. А простил, в свою очередь, потому что понял. Понял своей собачьей интуицией, как трудно, а иногда просто безысходно нам тогда жилось. Отчего и расстаться пришлось. Как нам казалось, ради его же блага.

Но он же не человек, чтобы поступать, сообразуясь с людской этикой, моралью или нравственностью? Животные существуют по другим законам. А так ли уж по другим? В основном и главном мироздании едино, и человек в нем иной раз вовсе не высшее существо и венец природы, если в поступках и внутренних качествах своих те же братья наши меньшие бывают куда более нравственными и благородными? Фредди, будучи собакой, не мог мыслить человеческими понятиями и категориями. Он, разумеется, не знал, не ведал о высказывании апостола Иоанна Богослова, что «Бог есть Любовь», но на интуитивно-подсознательном уровне оно органично вошло в его существо, ибо любовь была его богом, которому он мог все простить и ради которого пойти на любые жертвы...

* * *

Между тем, ветеринар был прав, говоря о безнадежном состоянии пса. Фредди угасал на глазах. Он очень мало и с большим трудом ел. Кормить приходилось с ложечки, приподнимая ему голову. В таком же положении лакал воду из миски, которую подносил кто-нибудь из домочадцев прямо к его морде. Он не мог ходить и сидеть — только лежал. Перевернуться с боку на бок и даже хоть немного поменять положение тела Фредди самостоятельно тоже не мог. Любое движение причиняло псу боль, которая отзывалась в нем стонами. Невозможны, разумеется, стали и уличные прогулки, на которых собаки справляют свою большую и малую нужду. Теперь это стало еще одной нашей домашней проблемой.

Внутри пса тоже творилось что-то невообразимое. Об этом красноречиво говорили его запавающие бока, которые, как меха, раздувающие кузнечное горнило, ходили ходуном. Нутро Фредди скрипело, хрипело, свистело, сипело, как будто там бушевал ураган, крушивший все на своем пути. Горячий нос и вываленный наружу сухой, часто пульсирующий язык собаки довершали безрадостную картину. При взгляде на Фредди не оставалось сомнений, что дни его сочтены!

В том числе и у кота нашего Димы. Возвращению Фредди он страшно обрадовался, но быстро понял, что с ним приключилась какая-то беда. Понаблюдав за псом, Дима взялся с помощью своей кошачьей терапии облегчить его страдания. Безошибочно угадывая проблемное место, кот ложился рядом, приваливаясь к телу собаки, и на какое-то время замирал, мурлыча. Потом перебирался да другое и проделывал ту же самую «процедуру». Фредди, ощущая возле себя Диму, переставал постанывать от боли и поскуливать, дыхание его несколько успокаивалось. Ему действительно становилось легче.

Но вот что при всем бедственном положении пса меня поразило до глубины души.

Фредди умирал. С болью и муками. С пониманием своей смертельной обреченности. Но сквозь пелену этой боли и муки пробивался в его ореховых глазах счастливый свет. Фредди умирал, но я мог поклясться, что он был счастлив. Это чувствовалось даже по тому, как, напрягаясь из последних сил, радостно лизал он ладони гладивших его домочадцев. Фредди чувствовал тепло их рук и был счастлив. В его глазах, несмотря на боль и муки искореженного тела, не находилось места смертной тоске. И я знал почему. Фредди умирал дома, в кругу ставшей ему род-

ной семьи, среди людей, к которым после трудной разлуки он вернулся со своей неизбывной любовью...

* * *

Фредди умер глубокой ночью тихо, беззвучно, словно напоследок боялся нарушить наш сон.

После некоторых раздумий решили похоронить его на даче. Сначала хотели прямо на участке, у изгороди под рябинкой, где любил проводить время Дима, но потом сошлись, что лучше за речушкой, протекавшей чуть поодаль, на ее противоположном возвышенном берегу, где начинались поля местного совхоза. Вела туда от речки по косоугроу тропа с вырытыми в земле ступенями. Неподалеку от тропы, на кромке поля наш Фредди и упокоился. На могильном холмике установили пирамидку, сваренную из арматуры за бутылку водки мужиками на соседней с нашим домом стройке. На макушку пирамиды Наташа надела Фреддин ошейник, а ее саму, как траурной лентой обвила поводком.

Пока жива была наша дача, мы регулярно навещали могилу Фредди. Но в одну из зим ночевавшие там божжи учинили пожар, быстро спаливший нашу хибару до основания. Лишившись дачи, мы и Фредди навещать стали реже. А потом на заброшенных к тому времени совхозных полях нарезали участки для нового дачного общества и проложили к нему дорогу, которая с небольшими отклонениями повторила маршрут прежней тропы. Могила Фредди оказалась на пути новой дороги и навсегда исчезла под ножом бульдозера.

И мне с саднящей горечью подумалось тогда: какая, все-таки, печальная у Фредди судьба! Даже после смерти не дают ему покоя! Вот и могилу с землей сравнивали. Скоро в напоминание о нем совсем ничего не остается. Кроме одного, но главного, поправил я себя: нашей, пока мы живы, памяти об этом славном животном с большим верным сердцем, до краев наполненным любовью.

* * *

Когда горе наше, вызванное смертью Фредди, несколько улеглось, я предложил дочери завести щенка, которого назвать в память о погибшем псе также Фредди.

Но Наташа решительно отказалась.

— Нет, сказала она. — Таких, как Фредди, больше не будет, а другого не хочу.

Наташа ушла к себе в комнату, некоторое время перебирала альбомные листы с набросками портрета Фредди, сделанные после того, как фермер увез его от нас, потом надолго закрылась у себя в комнате. А когда вышла, протянула нам с женой новый набросок, а вернее уже

практически готовый карандашный портрет Фредди. Пес изображен был на нем вполоборота. Слегка склонив набок темно-серую косматую голову, он смотрел на нас блестящими ореховыми глазами с антрацитовыми кружочками зрачков, полными счастливой любви и нежности.

— Замечательно, доченька! — растрогано сказала жена.

— Вот таким мы его навсегда и запомним! — со своей стороны добавил я.

Раздобыв размерами альбомного листа деревянную рамку, я поместил в нее под стекло Наташин рисунок и, сняв со стены в зале часы, повесил портрет Фредди на их место.

С тех пор Фредди не покидает нас. Наташа обзавелась собственной семьей, живет отдельно, но и у нее нашлось место для Фредди. Точно такой же его портрет украшает одну из комнат ее квартиры.

Для автора этого рассказа Алексея Валериевича Горшенина, известного литературного критика, прозаика, публициста, историка литературы, нынешний год юбилейный — 75 лет назад (18 мая 1946 года) начался жизненный путь писателя. Родившись в Ульяновске, он большую часть жизни связал с Сибирью. Окончив Томский университет, работал в научно-исследовательских, проектных, учебных институтах, различных периодических изданиях Сибири, в том числе долгое время в журнале «Сибирские огни», где заведовал отделами поэзии, прозы, входил в состав редколлегии. Публиковался он и во многих российских литературных журналах и альманахах. Перу А. Горшенина принадлежит множество критических статей, эссе, обзоров, рецензий, публицистических и литературно-исторических материалов, рассказов и повестей, а так же пятнадцать книг разных жанров.

Творчество А. Горшенина многогранно, но при этом находится в русле магистрального для него направления, которому упорно следует он вот уже не одно десятилетие, посвященного сибирской словесности, ее прошлому и настоящему. Благодаря чему писатель и журналист А. Горшенин стал заметным явлением в литературе и культуре Сибири. О чем свидетельствует и тот факт, что его плодотворная творческая работа отмечена премией губернатора Новосибирской области в сфере культуры и искусства и литературной премией мэрии Новосибирска имени Н.Г. Гарина-Михайловского. Свою подвижническую деятельность в этом направлении А. Горшенин продолжает и сегодня.

Алексей Валериевич — давний друг и постоянный автор журнала, хорошо известный нашим читателям. От всей души поздравляя его со знаменательной датой, редакция «Новосибирска», желает ему здоровья, сил и новых свершений на сибирской литературно-культурной ниве.

Анатолий ШАЛИН

Главный редактор журнала «Новосибирск»